
ОТ РЕДАКТОРА

Эрмитаж в Свердловске, театр оперы и балета им. С.М. Кирова в Молотове, военно-промышленный «Танкоград», созданный на базе ленинградского Кировского завода в Челябинске, Ленинградская симфония, написанная Шостаковичем в Куйбышеве, – вот, пожалуй, и весь набор ассоциаций, возникающих в памяти при упоминании темы эвакуации из северной столицы в годы Великой Отечественной войны.

Судьба блокадного Ленинграда и его жителей – одна из самых трагических и героических страниц Второй мировой. В советское время о Ленинградской эпопее говорили и писали в патетических тонах, акцентируя внимание на обороне и борьбе, на подвиге ленинградцев. Но в тени, а точнее – под запретом цензуры оставалась трагедия блокадной повседневности, без понимания и «прочувствования» которой невозможно оценить и масштабы Ленинградского подвига. «Для правдивого слова о Ленинграде еще не пришло время. Придет ли оно вообще?» – с горечью задавалась вопросом в дневниках Ольга Берггольц.

Блокада обнажила не только безмерность человеческого страдания, не только беспримерность мужества горожан, но и ментальную разобщенность жителей и власти, системную неготовность последней принимать оптимальные решения в экстремальной ситуации. Ведь тогда о сокрушительную реальность разбивались командно-административные директивы «закончить в срок», «обеспечить», «вывезти», «отчитаться». Директивы, которые порой были свидетельством отчаяния тех, от кого они исходили... Именно в период блокады стала жизненно необходимой способность брать на себя ответственность за судьбы людей и предприятий, действовать порой вопреки указаниям центрального руководства или в отсутствие таковых. К счастью, на всех уровнях властной вертикали и, что еще более важно, - вне ее находились люди, этими качествами обладавшие. Их решительность, жесткость и самоотверженность оказались спасительными в той

катастрофической ситуации, в какой оказался мегаполис с почти тремя миллионами жителей.

Эвакуация многотысячных контингентов в кратчайшие (от нескольких месяцев до нескольких дней) сроки – чрезвычайная мера, возможно, единственно верная и жизненно необходимая в создавшемся критическом положении. Эвакуация из Ленинграда летом 1941 г., до начала блокады, и затем, когда город уже был во вражеском кольце, – явление беспрецедентное в истории Второй мировой войны. Ни из одного региона СССР не было вывезено такого количества людей, техники, предметов искусства, как из северной столицы России. Более полутора миллионов ленинградцев, сотни стратегически важных промышленных предприятий, учреждений культуры надлежало переселить в восточные районы страны: от Архангельска до Алтая. Эвакуацию из Ленинграда едва ли следует воспринимать только как проявление гуманизма властей, стремившихся спасти беззащитное гражданское население. Более историчным представляется рассмотрение ее как необходимости избавить город от «балласта» – от тех, кто не был занят на оставшихся здесь военных предприятиях и не участвовал в мероприятиях по обороне: каждые «сто двадцать пять блокадных грамм, с огнем и кровью пополам» были на счету.

Какой была дорога до Большой земли, скольким ленинградцам стоила она жизни? Ведь гибли на пути из города до Ладоги, при переправе через нее, потом – в эшелонах, идущих в тыл, в эвакуационных пунктах и – уже в местах назначения – от отдаленных последствий блокады. И все же эвакуация (хотя отношение к ней не было однозначным), давала шанс выжить. Ладожская Дорога жизни – нить, связавшая блокированный город с Большой землей, является в памяти нескольких поколений ленинградцев синонимом спасения. Как и сама Большая земля – десятки тыловых регионов, сотни городов, сел и деревень на карте страны, ставших надежным пристанищем для сотен тысяч из них.

Парадоксально, но факт: за 75 лет, прошедших со дня полного снятия блокады, нет ни одного комплексного, обзорного научного или публицистического исследования, посвященного повседневности и «сложным вопросам» пребывания ленинградцев в эвакуации. Родной город оставался вдали, впереди был тыл с его непривычным, не всегда дружелюбным и не всегда понятным бытом. Как встретила Большая земля измученных ленинградцев, нередко находившихся на грани жизни и смерти? Как приняло их местное население, как реагировали региональные власти на по-

всеместно возникающие проблемы с расселением, трудоустройством, медпомощью (которая была необходима практически всем прибывшим)? Как адаптировались ленинградцы к новым условиям, как находили общий язык с местным населением? В этой книге мы постарались максимально полно ответить на эти и еще многие непростые вопросы. Чтобы помнили...

Сегодня на Волге, Урале и в Сибири успешно работают предприятия, основанные во время войны на базе ленинградских, выпускают специалистов вузы, «рожденные» от ленинградских, развиваются музейные и реставрационные программы, возникшие в военные годы благодаря ленинградцам... И, быть может, самое главное – времени неподвластны человеческие, душевные связи, не прерывающиеся между Ленинградом – Петербургом и десятками регионов России и других республик Советского Союза вот уже 75 лет. Жителям этих регионов, навсегда ставших побратимами города на Неве, – спасавшим и отогревавшим, дававшим кров и хлеб, – посвящается эта книга.

Юлия Кантор